

целокупность бытия в целом, актуализируя тему смерти через мир мертвых, заключенный топосом больницы, и мир живых, расположенный за окном.

Литература

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. : Наука, 1983.

Гинзбург Л. «Смысл жизни - в жизни, в ней самой...» // Юность. 1985. № 12. С. 95 – 96.

Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Место окна в поэтическом мире Пастернака // Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М. : Прогресс-Универс, 1996. С. 209 – 239.

Кушнер А.С. Избранное. Ночной дозор. СПб. : Худож. литература, 1997.

Лихачев Д. Кратчайший путь // Кушнер А. Стихотворения. Л., 1986. С. 54 – 57.

Ляпина Л.Е. Мотив окна в «петербургской» лирике // Ляпина Л.Е. Мир Петербурга в русской поэзии : очерки исторической поэтики. СПб. : Нестор-История, 2010. С. 62 – 71.

Портнов В. Ночной дозор // Новый мир. 1969. № 9. С. 282 – 283.

Урбан А.А. Пятая стихия // Нева. 1986. № 9. С. 151 – 160.

Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском символическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. Белгород : БелГУ, 2009.

УДК 821.161.1-32(Распутин В.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-8,44

А.А. Чевдаева

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

**СЕМАНТИКА МОТИВА ЖИВОЙ И МЁРТВОЙ ВОДЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. РАСПУТИНА «В ТУ ЖЕ ЗЕМЛЮ...»)**

Аннотация. В статье рассматривается мотив живой и мёртвой воды в рассказе В. Распутина «В ту же землю...»; показывается, как

писатель переносит акцент в отмеченном архетипе на второй член бинарной оппозиции. Осмыслиется семантика этого переноса, определяемого цивилизационными процессами, характерными для второй половины XX века. Обнаруживается также взаимодействие мотива живой и мертвой воды с близким по семантике русалочьим мотивом.

Ключевые слова: архетипы, литературные мотивы, бинарная оппозиция, русская литература, русские писатели, живая вода, мертвая вода.

В творчестве В. Распутина образ водной стихии играет ключевую роль. В ранних повестях образ водной стихии наполняется чертами языческих представлений, наделявших реки, ручьи, озера двойственным характером; являясь источником жизни и всего живого [Афанасьев 1995: 65], водоёмы, в то же время, считались «нечистым» местом, таившим тёмную, губительную сущность. Отчетлив мифопоэтический интерес писателя к водной стихии и связанным с ней народным верованиям в повести «Живи и помни» (1974). Стихия воды проявляет свой амбивалентный характер: она несёт главной героине смерть как возможность возрождения в инобытии. В повести «Прощание с Матёрой» (1976), сюжет которой выбрал трагические судьбы многих приангарских деревень, с образом водной стихии тесно связана мифопоэтика русалочьего сюжета, как перехода коренных жителей деревень в разряд живых «утопленников». Семантика образа воды, проходя через призму реальных событий «светопрествления» на Ангаре, с одной стороны, подсвечивается знаками «инобытия» [Ковтун 2015: 306], инопространства, воплощенного в образе тумана. С другой стороны, водная стихия явит себя разрушительной силой: воды «своей Ангары» несут гибель – и остров и деревня уходят на дно, став частью ложа водохранилища.

Повести писателя, таким образом, восходят к целому ряду «первичных мифологических прототипов» [Мелетинский 1976: 8]. Обратившись к поздним рассказам писателя «В ту же землю...», «ИЗба», «На родине...», мы рассмотрим мотив живой и мертвой воды, связанный с русалочьим мотивом, и попытаемся обозначить семантику их взаимодействия.

Противопоставления типа живая – мёртвая, свет – тьма, небо – земля называются «бинарными оппозициями» или «содержательными двоичными представлениями» [Иванов, Топоров 1980: 453]. С помощью системы бинарных оппозиций проявлялся языческий дуализм и описывались «пространственные, временные, социальные характеристики» мироустройства [Там же]. В.Я. Пропп в работе «Исторические корни волшебной сказки» отмечает, что живая и мертвая вода «...не противоположны друг другу. Они друг друга дополняют». Если с живой водой связываются представления о получении силы, воскрешении из мёртвых, то мёртвая вода имеет особую функцию: «...эта вода успокаивает умершего, т. е. дает ему окончательную смерть» [Пропп 1998: 283]. Окропление предстаёт «своего рода погребальным обрядом, соответствующим обсыпанию землей... Только теперь, после окропления мертвой водой эта живая вода будет действовать» [Там же: 284]. Мотив живой и мёртвой воды в поздней новеллистике В. Распутина не исчерпывается этими особенностями представлений. Будучи связанным с русалочьим мотивом, он вбирает в себя новые смыслы, к анализу которых мы обратимся.

Мотив живой и мёртвой воды маркирует ряд образов и деталей рассказа «В ту же землю...», в той или иной мере связанных с образом воды. Одним из таких образов, в которых оппозиция «живая – мёртвая вода» находит своё выражение и раскрывает свой мифопоэтический смысл, является образ Пашуты, отмеченный мотивом женского богатырства. Некоторые черты в образе героини, на которые исследователи указывают как на признаки богатырства [Ковтун 2013], можно рассмотреть как влияние семантики обозначенного нами мотива.

Отметим, что в образе героини-богатырки останавливает внимание противоречие между внешним видом, не выражающим ничего героического, и внутренней сутью. Пашуту можно принять за женщину «сильно пьющую, опустившуюся, потерявшую себя» [Распутин 2013: 501]. В описании внешности героини «... затекшее лицо, некрашенные пегие волосы... забитые тоской глаза, над верхней губой знак

какого-то внутреннего неряшества – бабьи усы» [Там же] подчёркиваются приметы одряхления, внутреннего разлада. Это отсутствие согласия в душе связано с событиями в жизни Пашуты: «в обратном направлении» героиня проходит «трудовой путь от заведующей столовой до посудомойки» [Там же: 495]. Одна деталь, появляющаяся в воспоминаниях молодости Пашуты, объясняет «расплывание» героини как знак её безвременного старения: имя Пашуты было выведено на одном из бетонных кубов, которыми перекрывали русло реки. Подобно имени на кубе, погруженному на дно Ангары, героиня начинает свой путь на «дно». В мифопоэтическом плане этот уход функционально напоминает окропление мёртвой водой, выступает «своего рода погребальным обрядом» [Пропп 1998: 284]. Имя женщины «Паша», выведенное голубой краской, оказывается навсегда «погребено» на дне водохранилища. Так, трансформации в образе героини, обусловленные связью со «стройкой века», сообщают негативный оттенок самой стройке, сковавшей водную стихию. Оппозиция «живая – мёртвая» вода реализуется через противопоставление живого течения реки «до» сотворения ГЭС и мёртвой поверхности водного зеркала водохранилища «после». «Изменения в образе города, превратившегося из «стройки века» в ядовитую газовую камеру, соотносятся с превращением Пашеньки, с тонкой талией и блестящими глазами, в «женщину замужнюю» Пашу, и затем в Пашуту» [Хрящева 2012: 152]. Участие героини в событиях, нарушающих природные законы, маркирует образ чертами разрушения, распада.

Актуализация оппозиции «живая – мертвая вода» связана также с матерью Пашуты. Акси́нья Егоровна жаловалась, что вода в городе «чем-то травленная» [Распутин 2013: 507]. Из образа водной стихии исчезает значение «источника жизни» и акцентируется знак гибели, угрозы живому. Опасная для жизни, «травленная» вода актуализирует оппозицию «живая – мёртвая». Противопоставление идёт по линии: «мёртвая» вода города, способная «добить» здоровье человека, и вода родной сердцу Акси́ньи Егоровны реки Лены.

Судьба деревни Аксины Егоровны, хоть и полной «завидных угодий», оказывается незавидной. Передаваемая «из рук в руки»: от хозяйства машиностроительного завода к БАМу, а затем и вовсе брошенная, деревня «залегла под ленский берег» [Распутин 2013: 500]. Характеристику «залёгшая под берег», с одной стороны можно рассматривать, как надлом и разрушение уклада жизни многих поколений, а с другой – как то же, что и в «Прощании с Матерой», «утопленничество». Деревня Аксины Егоровны вместе с другими старинными сибирскими деревнями, попадает «под колёса» цивилизации [Литовская 2012: 31] и оказывается ненужной в условиях советских реалий. Образ практически исчезнувшей деревни аллегорично соотносится с образом Матёры, находящейся в финале повести на перекрёстке миров, избывающей себя и уходящей в инобытие. Мотив мёртвой и живой воды в образе вымирающей деревни усиливает, в свою очередь, русалочий мотив, акцентирующий судьбу «утопленных» деревень.

В брошенной деревне знаками распада отмечены образы жителей. Мужики из деревни, с которой сняли «вековые держи», оставшись один на один со своим горем «пили, пили, пили...» [Распутин 2013: 499]. Неслучайно водку в народе прозывают «огненной водой», а в языке бытуют выражения «мертвецки пьян», «пьян до потери пульса». Обнаруживая эсхатологические параллели, образ «огненной воды» соотносится с отрицательным членом бинарной оппозиции. Образы пьющих мужиков и, в целом, деревни, почти не трезвеющей «с непривычки к свободе» [Там же], маркированы знаком духовного надлома. Употребление «огненной воды», по-своей природе мертвящей, уводит людей из ставшей ненавистной реальности и придаёт пьянству характер забытья-смерти.

Чувство вины преследует не только деревенских мужиков, но и героя Стаса, ставшего свидетелем гибели своей жены «во время спуска на резинках по горной реке» [Там же: 509]. Смерть любимой жены становится событием, «запускающим» бинарную оппозицию. Вода выступает как стихия, губительная для женщины, что невольно вызывает ассоциации со смертью Настёны из повести «Живи и помни» и с русалочьим сюжетом

«Прощания с Матёрой». В рассказах и повестях В. Распутина встречается множество случаев бессмысленных и трагических смертей родных людей многих героев. Под водой скрывается самое дорогое: родная земля, могилы предков. Взаимодействуя с русалочьим мотивом, член оппозиции «мёртвая» вода сообщает художественным образам отрицательно заряженный заряд. Похоронив жену, Стас пытается забыться: «надолго сник... чуть было не ушел в пьянку» [Там же]. Сила духа помогает герою пережить утрату, но ненадолго. В финале рассказа Пашута видит Стаса, который потерял последние точки опоры: друга Серёгу и «своё детище», завод, скупленный некими «братьями Чёрными». Герой чувствует себя «проглоченным», и душевное смятение, ощущение обмана проступают во внешнем облике («улыбка-шрам»). Образ «огненной воды» вновь появляется в значении воды мёртвой, герой, «окунающийся в рюмку», пребывает в состоянии забытья-смерти.

Для понимания образа «живой» воды важен образ снега-покрова в сцене похорон матери Пашуты. Снег воспринимается Пашутой как символ прощения за «покушение» на таинство ухода человека в иной мир. Событие похорон, утвердившее «культ предков» и объединившее людей под крылом «новой веры» [Хрящева 2014: 156], окружается ореолом святости. Приметами сошествия благодати становятся образ «троицы» (три могилы) и отличительная черта в описании снега – «небесный свет» [Распутин 2013: 532]. Таким образом, в финале рассказа водная стихия проявляет своё живительное начало, и явление «покрова» придаёт духовному объединению людей значение благословения свыше.

Итак, наблюдения над мотивом живой и мёртвой воды в поздней новеллистике В. Распутина показывают, что художник существенно трансформирует архетип. Актуализируя оппозицию «живой и мертвой воды», художник наполняет её современной семантикой, связанной с цивилизационными процессами. Они «подавляют» первый член бинарной оппозиции – «живую воду», высвобождая «простор» для негативных действий второго – «мертвой воды».

Взаимодействие русалочьего мотива с мотивом живой и мертвой воды усиливает семантику первого.

Литература

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 т. М. : Совр. писатель, 1995. Т. 3.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Сов. энциклопедия, 1980. Т. 2. С. 450 – 456.

Ковтун Н.В. Инопространство в поздних рассказах В. Распутина: «Изба» и «Видение» // *Literatūra*. 2015. Т. 57, вып. 5. С. 306 – 315. URL: http://www.literatura.flf.vu.lt/wp-content/uploads/2015/11/Literatura_57_5_306_315.pdf (дата обращения: 17.11.16).

Ковтун Н.В. Творчество В. Распутина в контексте национальной мифологии // Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика: учеб. пособие. Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2013. С. 129 – 227.

Литовская М.А. Прогностический потенциал прозы Валентина Распутина // Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. Валентина Григорьевича Распутина, Иркутск, 15–17 марта 2012 г. / отв. ред. И.И. Плеханова. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2012. С. 30 – 40.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М. : Наука, 1976.

Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки (Собрание трудов В. Я. Проппа.). М. : Лабиринт, 1998.

Распутин В.Г. Деньги для Марии: повести, рассказы. М. : Эксмо, 2013.

Соколова Л.В. Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1993. Т. 48. С. 38 – 47. URL:

<http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ZmR6In-Ю6w> (дата обращения: 17.11.16).

Хрящева Н.П. Распутин и Платонов: семантика кладбищенского хронотопа // *Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. Валентина Григорьевича Распутина, Иркутск, 15–17 марта 2012 г.* / отв. ред. И.И. Плеханова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2012. С. 162 – 173.

Хрящева Н.П. Распутин и Платонов: трансисторичность «Котлована» как символа пустосозидания // *Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы: монография / Т.Е. Автухович и др.; ред. И.И. Плеханова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. С. 143 – 157.*

УДК 821.161.1-1(Кучерявкин В.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,445

М.Е. Панина

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

СВЯТЫЕ (ПУШКИНСКИЕ) ГОРЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ ВЛАДИМИРА КУЧЕРЯВКИНА¹

Аннотация. Целью статьи является анализ образа Святых (Пушкинских) гор в поэзии Кучерявкина. Исследуются элементы данного образа и стратегии его создания. Особое место уделено понятию «пушкинский текст».

Ключевые слова: «пушкинский текст», поэтические образы, русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество.

Владимир Кучерявкин – петербургский поэт, лингвист, переводчик. Его поэзия совмещает иронию и какую-то детскую доверчивость миру, непосредственность и филологическую

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Русский язык» на 2016-2020 гг., соглашение № 16.W18.25.0007.